

УДК 811.35
ББК 81.2

Сабрина Ханалиевна Шихалиева,

доктор филологических наук,
Институт языка, литературы и искусства ДНЦ РАН
(367015, Россия, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45),
e-mail: sh_shihalieva@mail.ru

Паронимическая аттракция в пространстве аспектуальности: агглютинативный этюд художественного перевода

Социальная природа коммуникации всё больше привлекает внимание исследователей художественного перевода. В современном информационном пространстве, совмещающем культуру художественного перевода, оказывается конституент книг Библии. Именно единосложный конституент книг Библии анализируется в данной статье. Общий обзор проведённых исследований позволяет зафиксировать необходимый фон паронимической аттракции, без которого не может быть осмыслен художественный перевод терминов Нового Завета. В таком случае приходится отходить от привычных решений теории перевода. На первый план выдвигается стандартизация орфоэпических, грамматических и лексических норм с учётом современных направлений теории перевода. Одним словом, если адаптировать идею формального членения предиката в типологической перспективе коммуникативных решений, то кавказские языки обнаруживают структурные типы интонационных значений. В частности, анализ интонационных значений демонстрирует, что пропозициональные формы «Нового Завета» маркируют модель паронимической аттракции в каспийском регионе. Следовательно, в пропозициональных слоях повествовательного дискурса обнаруживаются аппозитивные значения «субъект говорящий ↑ субъект воспринимающий».

Ключевые слова: текст Библии, глагол, конституент паронимии, концепт паронимической аттракции.

Sabrina Hanalievna Shikhalieva,

Doctor of Philology,
Institute of Language, Literature and
Art, Daghestan Scientific Centre, Russian Academy of Sciences
(45 M. Gadzhiev St., Makhachkala, Russia, 367015),
e-mail: sh_shihalieva@mail.ru

Paronymic Attraction in Space of Aspectuality: Agglutinative Sketch in Literary Translation

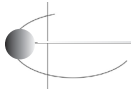
Social nature of communication has been increasingly attracting translation theory researchers' attention. In modern information environment, the main constituents of translation theory combine nature paronymic attraction in verbal categories. Its constituents recognize the signs of a verb in paronymic attraction analyzed in this article. In translation theory foundations, the study of paronymic attraction sign expands the constituent of the Bible. In the space of artistic constituent, the Bible is the process of establishing a national origin, it expands the boundaries of a paronym and temporal language in the Caucasian languages. In this case, it is necessary to depart from the usual translation solutions and rethink many processes of translation in the text of the New Testament. An overview of the research provides the necessary background transfers, without which the aspect of terminology research can be understood. They are fixing and identifying the terms of a literary text, the Bible. A study on the formation and standardization of orthoepy, grammatical and lexical norms formed successively with the modern trends of the theory of translation. In short, if you adapt the idea of a formal division of the predicate in the typological term communication solutions, the Caucasian languages exhibit structural types of the intonation funds. An analysis of the term "patronym" shows that the derivatives with non-finite verb forms appositive model names label in the Turkish-Dagestani segment. Consequently, the nature of the paronyms defines the forms of the verb used in various functional-stylistic layers of the language.

Keywords: text of the Bible, verb, constituent of paronyms, concept of paronymic attraction.

Ибо всякий дом устрояется кем-либо;
а устроивший всё есть Бог.
Апостол Павел

В современном информационном пространстве, расширяющем границы художественного перевода, наблюдается активация научного поиска. В таком случае приходится

отходить от привычных художественно-переводческих решений и переосмысливать типологические параллели. Границы типологических параллелей определяются функ-

циональным своеобразием динамического эквивалента Библии и переводятся на язык оригинала парафразой исторической дистанции. И если расширить границы исторической дистанции Нового Завета, то можно обнаружить значение динамического эквивалента «пространство времени» ± «время пространства». Необычайно «оригинальные» конструкции вводят типологию обратного перевода, представленного терминами пространственно-временной номинации. Соответственно, термин пространственно-временной номинации маркирует фразеологический компонент и размещает в поле метафоры эквивалент обратного перевода «глагол = именная форма глагола» [23]. Иначе говоря, приём сопоставления стилистически маркированных единиц признаёт продукт метаязыковых элементов в тюркско-дагестанском сегменте (ср. приведённые примеры):

- 1) масдар *лугьу-н* «говорить, сказать»
- 2) пермиссив *лугьу-рай*
- 3) императив *лагь*
- 4) прич. СВ *лагьа-й* > формы временного подчинения и наклонений
 - ↑
 - ↑
 - прош. СВ (аорист в прошедшем)
>*лагьа-на-й*
- 5) аорист *лагьа-на* перфект плюс квамперфект
>*лагьа-н-ва*>*лагьа-н-ва-й*
настоящее прошедшее НСВ
- 6) дееприч. НСВ >*лугьу-з-ва*>*лугьу-з-ва-й*
лугьу-з наст. продолж. прош. НСВ продолж.
>*лугьу-з-ма*>*лугьу-з-ма-й*
- 7) будущее *лугьу-да*
- 8) побуд. 1 л. *лугьу-н*
- 9) будущ. предполож. *лугьу-ди*
- 10) прохобитив *лугьу-мир*
- 11) импоссибилитив *лугьу-ч*
- 12) потенциалис *лугьу-р*

Стилистически маркированный продукт Нового Завета выбирает развёрнутый перевод текста и реализует парадигму пространственно-временной номинации [7]: *лагьа-й-ла* (СВ) «когда сказал», *лагьа-н-ва-й-ла* (СВ с перфектным значением) «когда / если сказано было» – *лугьу-з-ва-й-ла* (НСВ) «в тот момент, когда говорил»; *лагьа-й-т1а* (СВ) «если скажет», *лагьа-н-ва-т1а* (СВ с перфектным значением) «если сказал (сказано)» – *лугьу-з-ва-т1а* (НСВ) «если говорит» [12]. Про-

странственно-временная номинация исходного текста комбинирует фактор обратного перевода со стилистически маркированными единицами в табасаранском языке: *убз* «налей» – *убзуз* «налить», *хьюгь* «начни» – *хьюгьюз* «начать», *гьядябгь* «выбирай» – *мягь-ядябгьян* «не выбирай». Фактор обратного перевода предопределяет развитие метода сопоставления на уровне отдельного текста: а) разговорного и грубопросторечного; б) нейтрального; в) книжного и поэтического [8]. Содержание перевода опирается на форму паронимической аттракции художественных текстов. Прежде всего необходимо отметить, что шкала паронимической аттракции варьирует между формами в «исторической дистанции» [24; 25] (см. табл. 1):

Таблица 1

Табасаранский	Цахурский	Агульский	Лезгинский
*Ил-ит1уз «посадить во что-нибудь»	*Ил-хъеч1ес «взбираться на»	*Ал-ишкъвас «сесть во что-нибудь»	Акь-*ал-тун «оказаться наверху»
Ал-т1акьюз «открыть со- суд»	Ил-гъч1ес «перейти через»	Ал-аттахъас «снять шкуру с животного»	Ал-атун «упасть сверху»
Ал-дахъуз «отсыпать сверху»	ал-иш «брать в»	Ал-ахъас «посыпать сверху»	Гь-ал-тун «навалиться наверху»
К°-ал «1) боковая часть тела; 2) дом, комната; 3) желудок»	К°-ал «1) боковая часть тела; 2) дом, комната; 3) желудок»	К°-ал «1) боковая часть тела; 2) дом, комната; 3) желудок»	К°-ал «1) боковая часть тела; 2) дом, комната; 3) желудок»

Для фонологического ряда корневая группа *к° различает вариант морфем *кь-л/к-л-х [19; 21]. При сравнении с материалами других языков определяется исходная основа (см. табл. 2):

Таблица 2

Мегрельский	Абазинский	Даргинский	Лакский
Ал-ала «идти вниз»	Ал-баара «спускаться»	Итаб-ил «находящийся там»	К°-ала «выкидыш ослицы и кобылы»

Продуктивные словообразовательные элементы кавказских языков *ал/*ил, по мнению С. А. Старостина, возводят к синокавказской общности: ПСТ *la ‘дух’, ПЕ *?ir ‘дух, дыхание’, ПВК *hVl?/V/B; шумерское *Ал «небо» [9; 20]. Поскольку многие синокавказские общности конструируют фактор художественного перевода, продемонстрируем эквивалент семантической общности в лезгинской подгруппе языков (см. табл. 3):

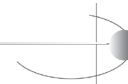

Таблица 3

*Ал «1) злой дух; бес»	*Ал 2) формант локализации SUPER-эссива	*Ал 3) ярко-красный цвет; ср. алый, розовый
*Ил «1) воздух»	*Ил 2) формант SUPER-латива	*Ил 3) детерминант совершенного вида

Инвариант словообразовательного элемента комбинирует морфологическое строение глагол=имя, восходящее к эпохе распада спрягаемых форм общелезгинского языка-основы [13]. С общелезгинским элементом *Ал фиксируется топоним в Хивском районе Дагестана *Ал-ардикуше* «букв. местечко под *Аларди/Alardy*». Теперь вполне очевидно словообразовательный элемент появляется в названиях основ – *Alaverdy* «Храм бога эпидемий» в Восточной Грузии и *Альди-Ерды* в *Ассинском ущелье Ингушетии [1; 27]. Словообразовательные элементы *Ал/*Ил/*Ас становятся значимыми символами теонимической лексики (см. табл. 4):

Таблица 4

Ингушский	Ногайский	Лезгинский	Рутульский
*Ал-а «Господь»	*Ал-ла «Господь»	*Ал-а «дорогой; высший»	*Ил-аг'и «Бог»

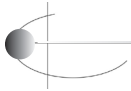
Вместе с тем само понятие терминатонимической лексики зыбко по содержанию прежде всего потому, что словообразовательный элемент *Ал/*Ил/*Ас выявляется в антропонимике и этнонимике – *Ал-ан, Ал-адин, Аль-бина, Ал-ла, Ал-уса, Ас-ият, Ас-я, Ас-ли, Ас-оль, Ил-ья, Ил-ьдар, Ил-ьхан, ал-аны, ал-баны, ал-тайцы* и др. С вышеуказанными окаменелыми морфемами фиксируется авторская индивидуальность – *Ил-гьам «дуновение»; *Ил-чи «гонец»; *Ил-ан «змея: изворотливый человек»; *Ас «языческий бог-покровитель племён»; *Ас-и «1) богохульствовать; 2) ослабеть»; *Ас-ул «1) корни благородного происхождения; 2) достоинство» [18; 22].

Удивительная устойчивость окаменелых факторов даёт возможность признать, что у этносов, отдалённых друг от друга во времени и пространстве, модель внеконтекстного перевода маркирует сопоставление лексических единиц исходного текста. Метод сопоставления лексических единиц разграничивает фактор окаменелых элементов в эпиграфическом памятнике: *Ал-тарь, *Ил-ия – пророк Израиля, *Ас – имя царя

«Южного Иудейского царства», *Ас-ур – древний город *Ас-сирии* в «Северном царстве Израиля» [3; 6].

Среди разнообразных лексических единиц *Библии, определяющих парадигму пространственно-временной номинации, отчетливо фиксируется приём морфологической типологии. Приём морфологической типологии согласовывает продуктивный элемент агглютинации в Кавказско-Каспийском регионе: во время исполнения национального танца лезгинка мужчина падает на колени перед женщиной и восклицает «*Ас-са!». Невозможно точно определить период, когда *танец* стал частью культуры *Каспийского региона*, однако, несомненно, то, что ещё до появления древнейших цивилизаций этническая культура *Каспия распространила принадлежность *Библии. Теперь вполне очевидно, что паронимическая аттракция культуры *Каспия «одушевлённым» стандартом Кавказа фиксирует грамматический род. Правильнее было бы сказать текстом В. Гумбольдта, что «весь род человеческий говорит на одном языке, а каждый человек обладает своим языком».

Многие семиотические субстанции, вышедшие из кавказских языков, комбинируют понимание грамматического рода: о жадном, ненасытном человеке уагульцев говорят *Вецунанфункее=ф* – букв. «быка живот имеющий»; у табасаранцев девушке, которая выходит замуж, говорят: *Гагайин хал – майдан, жилицин хал – зиндан* [Отцовский дом – приюлье, мужа дом – тюрьма]. При морфемном членении семиотической субстанции абстрагируется парадигма: у чеченцев о смелом, храбром человеке, не обращающем ни на что внимание, говорят: *Б1аьога нег1ар цатоха* [Глазное веко не ударит]; кабардинцы и черкесы абстрагируют символ «волос» с грамматическим свойством социальной системы и обобщают: *чачьяманныбетиаман* «у кого плохие волосы, у того плохой вид»; в представлениях адыгов «волосы» символизируют сущность женского рода. Грамматические оппозиции уточняют стиль перевода и обобщают модель социальной системы [14; 17]: в лезгинском языке → *кьугьвадай=ди* «игрок», *кьекьведай=ди* «искатель», *киклидай=ди* «задира»; в карачаево-балкарском языке *алысын* «молодой», *ас-сы* «грешник»; в бацбийском, чеченском, ингушском *са «душа человека», в табасаранском языке *ал-агюзлы* «кареглазая»; в хиналугском языке *Ас-та-р «колдунья».

Перевода как вид языкового посредничества символизирует литературную оппозицию. Таким образом, мысли В. Гумбольдта о «синонимике языков» получают определённую номинацию. Для нахождения точек мотивации синонимичная группа верификатива регистрирует различные пропозиции: *Ага_пи́за* «а ну-ка, скажу я (чтобы проверить, что произойдёт)». *Ага_к1урза* «а ну-ка, сообщу я (чтобы проверить, что произойдёт)»; *у́ру* «красный», *у́рушин* «красноватый», *у́руб-сиб* «красненький», *у́руди* «красно», *у́рудиси* «краснее». Между тем, разновидность пропозициональных групп выявляет аспектуальную характеристику: 1) действие (количество) – *ап1ура = дап1на* «делается = делается»; 2) состояние (качество) – *илип1у'-ру/ил'ил1у-р* «покроет/покрывшая»; 3) процесс (отношения) – *убхуз/убхуб* «кипеть/закипеть»; 4) происшествие (способ) – *хътам1у = б/хътам1у = р/хътут1у = д* «отрезало/отрезала/отрезал» [26; 28]. Аспектуальная характеристика при использовании обратного перевода выводит систему узколингвистического факта. При анализе суммируются фрагменты из текстов Нового Завета [Ев. от Луки 19:10] – [чтобы найти и спасти *потерянное*] (см. табл. 5):

Таблица 5

Агульский	Лезгинский	Рутульский
ИнсандинКирк-мич *адинаф э,	Абуркьутарми-шунпатал *атанвай-ди я	Йиркьыр ад йиьисугур *ад-бий=дыгьахъ-агур
Цахурский	Табасаранский	Удинский
Ары ворна *йа1ххъы=лекъа-гьирхъуна т1абалъяс	Пучшулайидар агузваккадагъуз *дуфнайи=реу	Ого qəvəşiçarka-ros; estapos; eynakaros; e hare

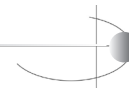
Как показывает анализ, фрагмент паронимической аттракции кодирует метафору отглагольных образований: «причастие совершенного вида = имя агента с семантикой совершенного вида» ± «пришедший = пришелец». Однако паронимическая аттракция отглагольных образований зависит от оценочного потенциала имён. В частности, в нахско-дагестанских языках «человек как одушевлённая аттракция» маркируется использованием обратного перевода – *к-ас†ин-са-н†ад-ам* [5; 16]. Интересны в этом плане принадлежности одушевлённой аттракции в восточнолезгинских языках: *таняшда* – *акьулбашда* «рост в теле – ум в голове»; *ве-цунасуман кар аркьай* (букв. «как бык работает») [15; 29].

До сих пор, говоря о паронимической аттракции глагол-имя, мы имели в виду категориальные значения оценочного потенциала с аффиксами =*φ*, =*р*, =*д*, =*с* в восточнолезгинских языках [4; 11]. Если же учесть свойства грамматических категорий в полном объёме, то соотношение паронимической аттракции окажется значением экспрессивного случая. Сравним пропозиции в лезгинском языке: *Къизилкушрахаз фена* «Жар-птица пошла поговорить» / *Къизилкушрахаз-рахаз фена* «Жар-птица пошла, разговаривая». Предложения маркируют характеристику окказионального случая (см. табл. 6):

Таблица 6

Метафора «къиз-ил-куш»	Метонимия «къиз-ил-куш»
«Букв. золотые волосы»	«Жар-птица»
[Смысл: красивая девушка]	[Смысл: знатная девушка]

В характеристику окказионального случая входит не только система разных стилей, но и совокупность речи. Сюда относятся не только типичные для языка формы, но и окказиональные стандарты монологического и диалогического дискурса. Окказиональный стандарт активизирует случай паронимической аттракции: Я – физическое, Я – социальное, Я – интеллектуальное, Я – эмоциональное, Я – речемыслительное [10]. Паронимическая аттракция окказионального стандарта различает закономерную формулу семантической общности лексических единиц: *ширин, джан, баж, бика, ханум, азиз, шекер*. Формула межъязыковой семантической общности типизирует функциональный уровень окказионального стандарта и подтверждает эпиграфическое множество: *Я_баж* «Сударыня», *Я_бика* «Госпожа», *Я_ханум* «Барыня». Регулярные деривационные уровни, спроецированные на компрессию речевого этикета *Каспия, прежде всего типизируют факткоммуникативное множество. Наука художественного перевода, которая усматривает в коммуникативном множестве факт историзмов, использует приём дескриптивного морфосинтаксиса и рассматривает особую форму обращения *«к женщине – маме, дочери, жене, сестре». Интересно обозначить, что именно историзмы, спроецированные на формулу стилистических штудий, продолжают модифицировать случай художественного перевода. В этом и заключается эмпирический принцип «человеческого» рода, представляющий потенциал пространствен-

но-временной номинации [пропозиции действий ↔ субъект = пропозиции состояния ↔ объект]. В дальнейшем семантическая общность пространственно-временных единиц

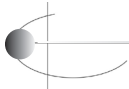
будет различать термины художественного перевода в концепции паронимической аттракции «историческое сознание = историческое познание».

Список литературы

1. Абаев В. И. Как апостол Пётр стал Нептуном // *Этимология*. М., 1970. С. 322.
2. Алексеев М. Е., Шейхов Э. М. Лезгинский язык. М., 1997. С. 112.
3. Алексеев М. Е. Перевод Библии и проблема сохранения языков: социолингвистические аспекты. М., 2011. С. 11.
4. Алексеев М. Е., Шихалиева С. Х. Табасаранский язык. М., 2003. С. 101.
5. Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. М., 1974. С. 137.
6. Беерле-Моор М. Живая Библия – живой язык. Почему мы переводим Библию на языки малочисленных народов? // *Новости библейского перевода*. М., 2011. № 3 (10). С. 21.
7. Гайдаров Р. И. Основы словообразования в лезгинском языке. Махачкала, 1991. С. 23.
8. Гюльмагомедов А. Г. Краткий словарь синонимов лезгинского языка. Махачкала, 1982. С. 112.
9. Дьяконов И. М. О языках древней Передней Азии // *Вопр. языкознания*. М., 1954. № 5. С. 43.
10. Евсюкова Т. В., Бутенко Е. Ю. *Лингвокультурология*. М., 2014. С. 16.
11. Ибрагимов Г. Х. Христианский мир Кавказской Албании // *Альфа и Омега*. М., 2010. № 1(57). С. 109.
12. Керимов К. Р. Деепричастие, инфинитив или целевая форма? (К трактовке так называемых основных форм лезгинского глагола) // *Языкознание в Дагестане: лингв. ежегодник*. Махачкала, 1999. № 3. С. 32.
13. Климов Г. А., Хаилов М. Ш. *Словарь кавказских языков. Сопоставление основной лексики*. М., 2003. С. 506.
14. Леонтович О. А. *Методы коммуникативных исследований*. М., 2011. С. 71.
15. Медведева Л. М. Типы словообразовательной мотивации и семантика производного слова // *Вопр. языкознания*. М., 1989. № 1. С. 79.
16. Свод памятников фольклора народов Дагестана: в 20 т. / под ред. Г. Г. Гамзатова. М., 2010. С. 480.
17. Селимов А. А. *Словарь ориентализмов лезгинского языка*. Махачкала, 2001. С. 44.
18. Сефербеков Р. И. Традиционные религиозные представления табасаранцев (боги и демоны; верования, связанные с животными). Махачкала, 2000. С. 14.
19. Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М., 1971. С. 294.
20. Старостин С. А. *Труды по языкознанию*. М., 2007. С. 279.
21. Сулейманов Н. Д. *Словообразование и структура слова в восточнолезгинских языках*. Махачкала, 2000. С. 9.
22. Тарланов Е. З. *Общевосточный лексический фонд*. Петрозаводск, 2005. С. 28.
23. Телия В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // *Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира* / отв. ред. Б. А. Серебренников. М., 1988. С. 112.
24. Телия В. Н. Деятельностные аспекты языка. М., 1988. С. 43.
25. Улукханов И. С. Грамматический род и словообразование // *Вопр. языкознания*. М., 1988. № 5. С. 107.
26. Ханмагомедов Б. Г.-К. *Очерки по синтаксису табасаранского языка*. Махачкала, 1970. С. 12.
27. Шавхелишвили А. И. Грузино-чечено-ингушские взаимоотношения. (С древнейших времён до конца XVIII века). Тбилиси, 1992. С. 16.
28. Шихалиева С. Х. *Грамматические категории глагола табасаранского языка*. Махачкала, 2004. С. 44.
29. Шихалиева С. Х. *Словосочетание в табасаранском языке*. Махачкала, 2010. С. 141.

References

1. Abaev V. I. *How apostle Petr became Neptunom* // *Etymology*. M., 1970. S. 322.
2. Alekseev M. E., Sheikhov E. M. *Lezginskii yazyk*. M., 1997. S. 112.
3. Alekseev M. E. *Perevod Biblii i problema sokhraneniya yazykov: sotsiolingvisticheskie aspekty*. M., 2011. S. 11.
4. Alekseev M. E., Shikhalieva S. Kh. *Tabasaranskii yazyk*. M., 2003. S. 101.
5. Benvenist E. *Obshchaya lingvistika*. M., 1974. S. 137.
6. Beerle-Moor M. *Zhivaya Bibliya – zhivoi yazyk. Pochemu my perevodim Bibliyu na yazyki malochislennykh narodov?* // *Novosti bibleiskogo perevoda*. M., 2011. № 3 (10). S. 21.
7. Gaidarov R. I. *Osnovy slovoobrazovaniya v lezginском yazyke*. Makhachkala, 1991. S. 23.
8. Gul'magomedov A. G. *Kratkii slovar' sinonimov lezginского yazyka*. Makhachkala, 1982. S. 112.
9. D'yakonov I. M. *O yazykakh drevnei Perednei Azii* // *Vopr. yazykoznaniiya*. M., 1954. № 5. S. 43.
10. Evsyukova T. V., Butenko E. Yu. *Lingvokul'turologiya*. M., 2014. S. 16.
11. Ibragimov G. Kh. *Khristianskii mir Kavkazskoi Albanii* // *Al'fa i Omega*. M., 2010. № 1(57). S. 109.
12. Kerimov K. R. *Deeprichastie, infinitiv ili tselevaya forma? (K traktovke tak nazyvaemykh osnovnykh form lezginского glagola)* // *Yazykoznanie v Dagestane: lingv. ezhegodnik*. Makhachkala, 1999. № 3. S. 32.

13. Klimov G. A., Khailov M. Sh. Slovar' kavkazskikh yazykov. Sopostavlenie osnovnoi leksiki. M., 2003. S. 506.
14. Leontovich O. A. Metody kommunikativnykh issledovaniy. M., 2011. S. 71.
15. Medvedeva L. M. Tipy slovoobrazovatel'noi motivatsii i semantika proizvodnogo slova // Vopr. yazykoznaniiya. M., 1989. № 1. S. 79.
16. Svod pamyatnikov fol'klora narodov Dagestana: v 20 t. / pod red. G. G. Gamzatova. M., 2010. S. 480.
17. Selimov A. A. Slovar' orientalizmov lezginskogo yazyka. Makhachkala, 2001. S. 44.
18. Seferbekov R. I. Traditsionnye religioznye predstavleniya tabasarantsev (bogi i demony; verovaniya, svyazannye s zhyvotnymi). Makhachkala, 2000. S. 14.
19. Sravnitel'no-istoricheskaya leksika dagestanskikh yazykov. M., 1971. S. 294.
20. Starostin S. A. Trudy po yazykoznaniiyu. M., 2007. S. 279.
21. Suleimanov N. D. Slovoobrazovanie i struktura slova v vostochnolezginskikh yazykakh. Makhachkala, 2000. S. 9.
22. Tarlanov E. Z. Obshchevostochnyi leksicheskii fond. Petrozavodsk, 2005. S. 28.
23. Teliya V. N. Metaforizatsiya i ee rol' v sozdanii yazykovoi kartiny mira // Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira / otv. red. B. A. Serebrennikov. M., 1988. S. 112.
24. Teliya V. N. Deyatel'nostnye aspekty yazyka. M., 1988. S. 43.
25. Ulukhanov I. S. Grammaticheskii rod i slovoobrazovanie // Vopr. yazykoznaniiya. M., 1988. № 5. S. 107.
26. Khanmagomedov B. G. -K. Ocherki po sintaksisu tabasaranskogo yazyka. Makhachkala, 1970. S. 12.
27. Shavkhelishvili A. I. Gruzino-checheno-ingushskie vzaimootnosheniya. (S drevneishikh vremen do kontsa XVIII veka). Tbilisi, 1992. S. 16.
28. Shikhalieva S. Kh. Grammaticheskie kategorii glagola tabasaranskogo yazyka. Makhachkala, 2004. S. 44.
29. Shikhalieva S. Kh. Slovosochetanie v tabasaranskom yazyke. Makhachkala, 2010. S. 141.

Статья поступила в редакцию 07.07.2015